

Миллиарды для свинок Чиновники к вступлению в ВТО готовы

Отраслевые лоббисты уже начали работу по выбиванию из нашей «шагренево́й» казны денег на преодоление противных последствий от вступления в ВТО. Сообщения об их аргументированных предложениях правительству под единым грифом «Дай!» учащаются и будут учащаться в ближайшие месяцы.

В распоряжении агентства «Финмаркет» оказался доклад министра сельского хозяйства Елены Скрынник правительству. В плане поддержки отечественного сельского хозяйства после вступления в ВТО обосновывается необходимость выделения селу от 96 млрд до 111 млрд рублей в год до 2020 года. То есть больше, чем до сих пор: в 2006–2011 годах на поддержку сельского хозяйства в России тратилось примерно по 94 млрд рублей в год.

Увеличение господдержки обосновывается тем, что до членства в ВТО государство использовало тарифы, чтобы не допускать на российский рынок более дешевое импортное продовольствие.

Тогда большинство бюрократов всячески оправдывали протекционизм и доказывали, что для нас он – штука верная, и предлагали смеяться над либеральными стонами про нехорошее влияние протекционизма на развитие экономик, хоть бы они и подкреплялись статистикой за десятилетия и прочими декадентскими глупостями.

Мотивация показательной патриотической любви к протекционизму очевидна: именно бюрократия в лице министерств и ведомств является агентом распределения финансовой помощи. Это дело только разного рода «глупцам – любителям истины», по выражению старого французского писателя, может не принести хороших прибылей.

Но мы вступаем в ВТО. И чиновники вмиг мимикрировали. Так как ни к какому другому делу, кроме перераспределения денег из казны на места, они не способны, то и стали думать, на какой термин сменить отныне запретный «протекционизм», чтобы функцию распределителей не потерять. И нашли. Решили, похоже, вместо «протекционизма» использовать словосочетание «сохранение инвестиционной привлекательности отраслей».

Вот на такое «сохранение» Минсельхоз теперь предлагает уложить российский агропром, и Скрынник просит на это выделять денег еще больше прежнего.

На первый взгляд, в предложениях Минсельхоза все логично. Действительно, в страну хлынет поток дешевого продовольствия (надо только сразу заметить – членство в ВТО обеспечит дешевизну оптовых закупочных цен, а уж как они модернизируются по пути до прилавков – одной вертикали власти известно). Нашим сельчанам и переработчикам стоит помочь выжить в условиях непривычной конкуренции. Требуется привлечение инвестиций на закупку оборудования, технологий и так далее. Это проходили многие другие страны и давно выработали методику определения того, сколь разумно и обоснованно тратятся общественные деньги на поддержку той или иной отрасли. Метод простой. Если год от года, получая помощь в том или ином виде, то или иное предприятие пусть на долю миллиметра, но повышает эффективность, производительность, снижает себестоимость, а значит, повышает конкурентоспособность, то деньги тратятся не зря. Если же нет никакого движения, не снижается себестоимость пусть на пять копеек с кило в год, значит деньги идут на банальную консервацию отсталого производства и кран стоит прикрутить.

Что пишет Скрынник? Судя по данным, опубликованным на «Финмаркете», об оценке эффективности вложений с таким (еще советскими учеными, кстати, описываемым) подходом, речи нет. Все проще.

Описывается неприятность со свиньями. Придется «снизить пошлины на импорт живых свиней в 8 раз, до 5%, и цена на живых свиней на внутреннем рынке резко снизится... Это сделает убыточными многие предприятия, а остальные снизят рентабельность вдвое». В связи с этим Минсельхоз просит в 2012–2015 годах по 20 млрд рублей ежегодно, в 2016–2020 годах – по 10 млрд рублей. Тогда, мол, «будет сохранена инвестиционная привлекательность свиноводства». То есть

эта привлекательность заключается в том, что можно будет производить мясо по-прежнему, с непотребной себестоимостью, а потери на рынке из-за снижения цен компенсирует государство (налогоплательщики).

Еще бьет тревогу Минсельхоз, что «вниз пойдут и оптовые цены на говядину. Это приведет к потерям отрасли в 17 млрд рублей в год и повышению сроков окупаемости проектов с 11 до 14–15 лет». Какую здесь просит госпомощь Скрынник? Именно 17 млрд рублей ежегодно в течение 10 лет – «на компенсацию потерь и сохранение инвестиционной привлекательности». Это уже как-то вовсе цинично выглядит: из-за ваших игр с ВТО мясники потеряют 17 млрд – отдайте!

Птицеводам, понятно, потребуется еще больше – 20 млрд ежегодно. Производителям сахара – 25 млрд в год. На компенсации молокозаводам – еще почти 30 млрд рублей. И так далее.

На самом деле селу, очевидно, нужна помощь, в том числе и государственная. К примеру, каждый раз, когда в России убирается рекордный урожай зерновых (а крестьяне, как назло, завели привычку регулярно заваливать страну своей продукцией), начинается кошмар. Вагонов нет, причалов нет, элеваторов нет. Зерно гниет (что, кстати, оплачиваем тоже мы, налогоплательщики). Между прочим, в правилах ВТО нет никаких ограничений на вложения бюджетных денег в инфраструктуру. Но в докладе Минсельхоза абзацы об этом в глаза не бросаются так, как 17 компенсационных миллиардов производителям дорогой телятины (у нас обычно режут бычков в раннем возрасте, чтобы не тратиться на их прокорм еще годы, тем более что качественных комбикормов не хватает: заводов приличных нет).

Вряд ли хватит и всего российского бюджета на решение всех деревенских проблем. Нужны частные инвестиции, в том числе иностранные.

В конце прошлого года было опубликовано исследование Центра экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР) при Российской экономической школе (РЭШ) в сотрудничестве с бельгийской TML и немецким ZEW. Ученые смоделировали эффекты вступления России в ВТО. Отметили, что «больше всего выиграть должно население. В первые годы после вступления будет расти благосостояние самых бедных слоев населения, в основном благодаря снижению цен на продукты». Затем смоделировали возможный положительный эффект от членства в организации и для производителей, но сразу оговорились: «... разнообразные блага после вступления не прольются на Россию автоматически: государству для усиления положительного эффекта нужно будет начать снимать барьеры для иностранных инвестиций».

То есть пора бы сделать очевидное на фоне общемирового тренда на повышение цен на продовольствие – завлечь, наконец, инвесторов в российскую деревню.

Примерно так же считали и считают все серьезные аналитики: селу нужны серьезные, продуманные инвестиции. Почувствуйте разницу: Минсельхоз говорит о том, что надо «сохранить инвестиционную привлекательность», будто мы ею обладали до ВТО. А ученые настаивают, что эту привлекательность еще только предстоит создать на ровном месте.

О том, какой видится вообще инвестиционная привлекательность России, говорил недавно посетивший Москву Пол Кругман: «... отношение инвесторов к России отличается от того, как они видят перспективы в других странах БРИКС. Инвесторы, которые ищут доход от своих инвестиций, вкладывают их в Бразилию, пытаются – в Китай, и они практически проходят мимо России. Так что Россия не страна БРИК: она не относится к этой категории. И кто знает, какой категории она принадлежит?»

На ту же тему высказался и основатель Wermuth Asset Management Йохен Вермут: «Вызывает тревогу коэффициент инвестиций: в России он равен 19,4% (доля инвестиций в ВВП), что гораздо ниже, чем в других странах БРИК: в Китае по итогам 2010 года он был равен 48%. Это результат плохого инвестиционного климата, учитывая произвол в принятии решений» (цитаты по Reuters – Г.О.).

Господин Вермут четко обозначил, что надо бы, по мнению инвесторов, сделать в России, чтобы инвестиции пошли в нашу экономику: «Без независимой судебной системы, без надлежащего исполнения законов, без функционирования системы сдержек и противовесов в исполнительной власти и с безудержной коррупцией уровень инвестиций остается куда более низким, чем мог бы быть»...

Если конкретизировать эти внятные требования по отношению к российскому агропрому, которому на самом деле после вступления в ВТО надо или застрелиться, или привлечь инвестиции и научиться выдавать качественную продукцию по разумным ценам, то становится очевидным, что просто компенсациями (на радость распределителям финансов) делу не поможешь.

Минсельхоз же, кажется (хотелось бы ошибиться), подменяет понятия – пытается банальные компенсации представить передовыми инвестициями или действием для сохранения не существующей на самом деле инвестпривлекательности.

Экономисты же предлагают привлекать к вложениям денег в российское село обладателей не только финансов, но и технологий, которым деньги российского Минсельхоза не требуются, а вот безусловная защита их собственности крайне необходима.

Все это, кстати, было не было секретом и год, и десять лет назад. Что же мешает заняться, наконец, этой инвестиционной привлекательностью? Дело, видимо, в том, что на создание, к примеру, независимой судебной системы серьезных денег в бюджете не выбьешь, так как трудно доказать необходимость возведения гигантского завода по производству судей-репликаторов, бесстрашных и неподкупных. А нет денег – нет и стимула у бюрократии этим заниматься. Вот она и не станет. И нет никаких других институтов в стране правящей вертикали.

Зато добыть ежегодных дотаций до ставшей магической даты 2020 – другое дело. После же 2020-го хоть трава не расти, причем в случае с сельским хозяйством – в прямом смысле.